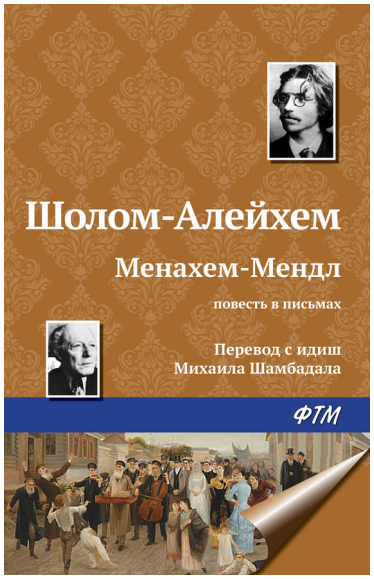
Шолом-Алейхем
Менахем-Мендл
повесть в письмах
Перевод с идиш
Михаила Шамбадала
ФТМ

Шолом-Алейхем
Менахем-Мендл

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8649831
Менахем-Мендл: ФТМ; Москва; 2016
ISBN 978-5-446-72545-8

Аннотация

Цикл новелл-писем «Менахем-Мендл» – одно из самых ярких произведений знаменитого еврейского писателя Шолома-Алейхема. Его герой, Менахем-Мендл, бедный еврей из местечка, судорожно пытающийся выбраться из нужды и надеющийся найти свое счастье в большом городе, где он берется за самые невероятные начинания. Доверчивый, непрактичный и недалекий человек, он постоянно становится жертвой обмана и терпит неудачу. О каждом своем начинании он сообщает жене в письмах, сначала восторженных, затем отчаянных. Ее ответы, исполненные трезвости и здравого смысла, никак не влияют на его решения. Эта переписка – как диалог глухих, где каждый говорит свое.

Содержание

Ко второму изданию 5
«Лондон»[2] 6
«Бумажки»[11] 18
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Шолом Алейхем
Менахем-Мендл

Повесть в письмах[1]

[1] Книга «Менахем-Мендл» состоит из шести книг или серий писем Менахем-Мендла, которые писались и печатались Шолом-Алейхемом в периодических изданиях и отдельными книжками начиная с 1892 года по 1903 год. Окончательно книга была отредактирована им и подготовлена к печати в 1909 году, к изданию юбилейного собрания сочинений (25-летие писательской деятельности Шолом-Алейхема было широко отмечено в 1908 году), см. предисловие автора «Ко второму изданию», помещенное впереди текста. // Шолом-Алейхем и в последующие годы продолжал писать и печатать в периодической прессе серии писем Менахем-Мендла, через которые автор откликался на жгучие вопросы современности, но обработать и издать их отдельной повестью он не успел, и они до сего времени самостоятельным изданием не выходили.

Ко второму изданию

Менахем-Мендл – не герой романа и вообще личность не выдуманная. Это человек обыденный, заурядный, с которым автор лично и близко знаком. Он вместе с ним прошел лет двадцать жизненного пути. Встретившись в 1892 году на одесской «малой бирже», мы потом рука об руку проделали все семь кругов ада на бирже в Егупце, «шли» с ним вместе в Петербург и Варшаву, пережили множество кризисов, кидались от одной профессии к другой, но – увы! – нигде счастья не нашли и вынуждены были в конце концов, по примеру многих, эмигрировать в Америку. Там, говорят, евреям неплохо… Об этом можно будет судить по дальнейшим его письмам из Америки.

А пока суд да дело, я собрал все письма, которые он на протяжении восемнадцати лет писал своей жене Шейне-Шейндл в разное время и печатал в разных местах, так же как и письма его жены к нему, и составил из них книгу, чуть ли не письмовник.

Да и в самом деле письмовник. В нем шесть разделов: при этом я имел в виду следующее: если купец пожелает написать письмо своей жене, скажем, из Одессы, – пусть ищет образец в первой книге «Лондон». Биржевой спекулянт, торгующий всякого рода акциями и тому подобным товаром, найдет образчик письма во второй книге – «Бумажки», или же в третьей – «Миллионы». Маклер, сват или агент пусть ищут дальше. Словом, каждый найдет здесь свое.

А так как еврейские дела, по милости божьей, повсюду одинаковы, то есть начинаются они как будто бы совсем неплохо и сулят золотые горы, а кончаются в большинстве случаев крахом, как у моего Менахем-Мендла, то над составлением письма нет нужды особенно трудиться. Его можно взять прямо из книги таким, как оно есть. А если найдется один из тысячи, у которого дела идут хорошо, то он может быть уверен, что это ненадолго. Все, что висит в воздухе и держится на ветру, должно в конце концов рухнуть. Это, конечно, не особенно приятно, но зато правда, а ведь правду все люди любят…

Готовя второе издание писем, я многие из них сильно сократил, а многие и вовсе выбросил. Потеряли при этом только наборщики, больше никто. Автор этой книги считает, что произведение, чем оно короче, тем лучше. Кто находит, что книга и сейчас длинновата, может быть уверен, что при дальнейших изданиях она с каждым разом будет становиться все короче и короче, пока не приблизится к идеалу: «С молчанием этого не сравнить…»

Шолом-Алейхем
Нерви (Италия), канун праздника ханука
1909

«Лондон»[2] (Одесская биржа)

I

Менахем-Мендл из Одессы – своей жене Шейне-Шейндл в Касриловку[3]

Моей дорогой, благочестивой и благоразумной супруге Шейне-Шейндл, да здравствует она!

Во-первых, уведомляю тебя, что я, благодарение богу, пребываю в полном здравии и благополучии. Дай бог и в дальнейшем получать друг о друге только радостные и утешительные вести. Аминь!

А во-вторых, да будет тебе известно, что я просто не в состоянии описать тебе город Одессу, его величие и красоту, его жителей с их чудесными характерами, а также блестящие дела, которые здесь можно делать.

Представь себе, стоит мне выйти с тросточкой на Греческую (так в Одессе называется улица, где заключаются всякие сделки) – и у меня двадцать тысяч дел! Хочу пшеницу – пожалуйста! Отруби? – Отруби! Шерсть? – Шерсть! Мука, соль, перья, изюм, мешки, селедки, – в общем, все что ни назови, можно найти в этой Одессе! Я поначалу наметил было два-три дельца, но они мне пришлись не по душе. И я шатался по Греческой до тех пор, пока не наткнулся на настоящее дело. А именно? Я торгую «Лондоном» и зарабатываю на этом совсем неплохо! Иной раз четвертной перепадет, иной раз полсотни, а при удаче – так и вся сотня. Словом, «Лондон» – это такое дело, которое может человека осчастливить в один день. Вот недавно приехал сюда какой-то синагогальный служка, хапнул одним махом тридцать тысяч, и теперь ему сам черт не брат! Говорю тебе, жена моя дорогая, золото здесь на улицах валяется! Я, упаси бог, не раскаиваюсь, что съездил в Одессу. Но ты, пожалуй, спросишь, как я попал в Одессу, – ведь я совсем ехал в Кишинев? Суждено мне, видать, свыше нажить добрых несколько рублей! Вот послушай, как господь бог направляет человека.

Когда я приехал в Кишинев к дяде Менаше за приданым, он меня спрашивает: зачем оно мне нужно?

– Стало быть, нужно! Не надо было бы, я бы не приезжал.

Тогда он мне говорит, что наличных у него сейчас нет, он может дать распоряжение к Бродскому в Егупец.

– Пускай будет Егупец! Лишь бы деньги!

А он говорит, что не знает, есть ли сейчас в Егупце деньги. Он может дать мне письмо к Бахраху в Варшаву.

– Пускай будет Варшава, – отвечаю, – лишь бы деньги!

---

[2] Первая серия писем Менахем-Мендла «Лондон» написана Шолом-Алейхемом в 1892 году и напечатана в изданном им выпуске «Колмевасер цу дер „Юдишер фолкс-библиотек“» («Извещение к „Еврейской народной библиотеке“»), Одесса, 1892. Шолом-Алейхем собирался издать третью книгу сборника «Еврейской народной библиотеки», но из-за отсутствия средств издал только означенный маленький выпуск.

[3] Касриловка – во многих произведениях Шолом-Алейхема вымышленное название местечка (городка) с густым еврейским населением. Это заброшенная беспросветная глушь, населенная в основном беднотой. Обитатели Касриловки «касрилики» – считают себя солью земли, но их представления и суждения о большом мире чрезвычайно наивны и смешны.

Тогда он говорит:

– Зачем тебе Варшава? Варшава – далеко.

Если я хочу, он даст мне бумагу к Барабашу в Одессу.

– Пускай будет Одесса! – говорю я. – Лишь бы деньги!

– На что тебе так понадобились деньги? – спрашивает он опять.

– Стало быть, нужны! – повторяю я. – Не надо было бы, я бы не приехал.

Короче говоря, изворачивался он, как мог, но помогло это ему, как мертвому банки: раз я сказал: «Деньги!» – значит, деньги!

Тогда он достал два векселя по пятьсот рублей сроком всего на пять месяцев, на триста рублей дал письмо к Барабашу в Одессу, а остальные наличными: это, – говорит он, – будет мне на расходы.

Так как мне сейчас некогда, то пишу тебе вкратце. Даст бог, в следующем письме напишу обо всем подробно. Будь здорова, кланяйся от меня тестю, и теще, и деткам, чтоб здоровы были, и каждому в отдельности.

Твой супруг Менахем-Мендл.

Главное забыл! Когда я пришел с денежным письмом к Барабашу, мне говорят, что никакое это не письмо! А что же это? На вербе – груши! Пускай, говорят они, раньше прибудет от вашего дяди Менаше вагон пшеницы, и пускай эта пшеница будет продана, вот тогда вам дадут деньги. Интересная история! Я тут же написал дяде Менаше в Кишинев открытку, что если он не вышлет немедленно пшеницу, я ему телеграфирую! Словом, пиши туда, пиши сюда – ходил я по Одессе сам не свой. И только вчера прибыли из Кишинева сто рублей наличными и на двести рублей вексель. Теперь ты понимаешь, почему я тебе все это время не писал? Я считал, что эти триста рублей пропали! Отсюда следует, что человек никогда не должен отчаиваться. Есть на свете бог, он правду видит. Все наличные я всадил в «Лондон», купил комплект «госов» и «бесов»,[4] и благодарение богу, – говорят, что есть уже прибыль!

Тот же.

II

Шейне-Шейндл из Касриловки – своему мужу в Одессу

Моему почтенному, дорогому, именитому, мудрому и просвещенному супругу Менахем-Мендлу, да сияет светоч его!

Во-первых, сообщаю тебе, что мы все, слава богу, вполне здоровы. Дай бог и от тебя получать такие же вести в дальнейшем.

А во-вторых, пишу я тебе, что меня снова мучает давнишняя спазма, такую бы самую твоему дяде Менаше, который так ловко зажилил эти полторы тысячи целковых приданого! Такую бы ему жизнь! Такое счастье! Моя мать, дай ей бог здоровья, говорит: «Послали кота по сметану!» Векселя я бы у него брала? А хворобу он не хочет? Лихоманку сроком на пять месяцев! Слушай, Мендл, дай бог мне соврать, но боюсь, что остальных денег ты не увидишь, как ушей своих, которые занесло аж в Одессу. Твое счастье, что мама ничего не знает об этих векселях: несдобровать бы тебе! А то, что ты пишешь о твоих заработках, всем нам, конечно, это очень приятно. Но – тысяча чертей тебе! Почему бы не написать по-человечески, что это за товар такой, которым ты торгуешь? Почем аршин? Или его продают на вес?

[4] «Госы» – ценные бумаги, цена которых на подъеме. «Бесы» – ценные бумаги, цена которых падает.

Откуда мне знать, что это такое и с чем это едят? И еще одного я не понимаю: вот, ты говоришь, купил товар, и вот уже имеешь прибыль? Что же это за товар, который растет в цене, как на дрожжах? «Мухоморы, – говорит моя мама, – и те без дождя не растут!» А если товар и в самом деле вздорожал, почему же ты его не продашь? Чего ты ждешь? Чтоб к нему и подступу не было?

А почему ты не пишешь, где остановился, как столуешься? Как будто я тебе чужая, не жена до ста двадцати лет, а какая-нибудь полюбовница поганая! Как мать говорит: «Уйдет корова в стадо, так „до свидания“ не скажет!»

Послушал бы ты меня, Мендл, расторговался бы поскорее, собрал бы наличные и приехал бы домой. Найдешь здесь более приличное дело, чем вот это самое… Знать бы мне так лихорадку, как я знаю, что это такое!

И будь здоров, как желает тебе от всего сердца

твоя истинно преданная супруга Шейне-Шейндл.

III

Менахем-Мендл из Одессы – своей жене Шейне-Шейндл в Касриловку

Моей дорогой, благочестивой и благоразумной супруге Шейне-Шейндл, да здравствует она! Со всеми домочадцами!

Во-первых, уведомляю тебя, что я, благодарение богу, пребываю в полном здравии и благополучии. Дай бог и в дальнейшем получать друг о друге только радостные и утешительные вести. Аминь!

А во-вторых, да будет тебе известно: меня нисколько не удивляет, что ты не понимаешь, в чем смысл «Лондона». Коль скоро опытные купцы, бородачи, об этом понятия не имеют, так где уж тут разобраться женщине? Поэтому я все объясню, чтобы ты поняла, в чем тут дело.

Надо сказать, что «Лондон» – материя тонкая. Продают его только на словах, а видеть никто его не видит. И каждую минуту он то дорожает, то дешевеет. То «гос», то – «бес». Это значит, что рубль в Берлине то повышается, то понижается. Все зависит от Берлина: как Берлин скажет, так и будет! Курсы прыгают вверх и вниз, как сумасшедшие, депеши летят туда и сюда, а люди носятся, как на ярмарке, делают дела, получают прибыль, а среди них и я. Шум, суета – одуреть можно! Вот, например, вчера я сделал «стеллаж»,[5] стоил он мне полсотни, а сегодня утром, ровно в двенадцать часов, от моей полсотни и следа не осталось!

Но ты, наверное, не знаешь, что значит «сделать стеллаж», – надо тебе это объяснить. Дают, к примеру, полсотни за день, а тот «ставит курс». Ты можешь сделать из этого «стеллажа» «две стороны»: то есть два «беса» или два «госа», а то и просто остановиться и продать другому «втемную» до «закрытия» (так у нас в Одессе называется предвечернее время, как у вас, скажем, сумерки). И вот, если курс «отстает», то полетели твои пятьдесят рублей. Вот это значит «сделать стеллаж».

Но только ты не огорчайся, дорогая моя жена! Потерять полсотни – по здешним делам сущие пустяки! Бог поможет, пойдет «правой стороной», и я заработаю деньги, много денег! А насчет того, что ты пишешь о векселях дяди Менаше, то ты ошибаешься. Черт его еще

[5] «Стеллаж» – биржевая сделка, при которой покупатель обязуется: 1) принять от продавца обусловленные ценные бумаги и оплатить их стоимость; 2) если он их оставляет у продавца, то он должен оплатить курсовую разницу (диференц); если он отказывается от сделки, то он должен уплатить неустойку (премия).

не взял, он еще пользуется доверием! Если бы я уступил хоть немного, у меня бы эти векселя с руками оторвали! Но я не желаю. Если понадобятся деньги, я лучше продам парочку «госов» или «бесов». Но мне и это сейчас ни к чему. Я лучше куплю еще один «стеллаж». Чем больше «стеллажей», тем лучше! Ляжешь спать со «стеллажом», так и спится по-другому!

Так как я сейчас очень тороплюсь, то пишу тебе вкратце. Бог даст, в следующем письме напишу обо всем подробно. Пока дай бог здоровья и удачи.

Твой супруг Менахем-Мендл.

Главное забыл! Ты спрашиваешь, где я остановился и что ем? Так пишу тебе, жена моя, что я и сам не знаю, на каком я свете. Одесса – огромный город, все здесь очень дорого, дома высоченные – до небес, полчаса надо карабкаться по железным лестницам, пока доберешься до своего пристанища под самым небом. Окошечко крошечное, как в тюрьме. Я просто оживаю, когда наступает день и можно вырваться из этой тюрьмы туда, на Греческую. И вот там, на ходу то есть, и перекусишь, что бог пошлет, потому что – кто это может усесться кушать, когда надо поминутно узнавать, каковы курсы в Берлине! Зато фрукты здесь нипочем. Виноград едят, не как у вас в Касриловке в Новый год, только чтобы сотворить молитву над ним, – здесь его едят каждый день, на улице, без всякого стеснения.

Тот же.

IV

Шейне-Шейндл из Касриловки – своему мужу в Одессу

Моему почтенному, дорогому, именитому, мудрому и просвещенному супругу Менахем-Мендлу, да сияет светоч его!

Во-первых, сообщаю тебе, что мы все, слава богу, вполне здоровы. Дай бог и от тебя получать такие же вести в дальнейшем.

А во-вторых, пишу я тебе, что смотрю я на тебя, как на сумасшедшего! Знать бы мне так твою Одессу, не к ночи будь помянута, как я понимаю, что ты такое болтаешь в твоем письме: «гос», «бес», «дилижанс»… Черт вас там ведает! Летят у тебя полусотенные, как галушки, – там у вас, видать, и деньги не деньги, трын-трава! Конечно, в золоте можно ходить при таких делах! Не понимаю, хоть ты мне голову сними, что это за товар, которого никто не видит? Кот в мешке!..

Слышишь, Мендл, не нравится мне все это! Я у отца своего не приучена к такого рода воздушным заработкам, упаси меня бог от них и в дальнейшем! Как моя мама говорит: «На воздухе и простудиться недолго…» Ты пишешь: «С дилижансом и спится по-другому…» Кто это спит с дилижансом? По-каковски ты говоришь? По-турецки, что ли? А насчет того, что ты пишешь, будто векселя дяди Менаше у тебя с руками оторвут, то если я в это и не поверю, большого греха не будет. Правильно мать говорит: «Не верь, пока не пересчитаешь…» Знаешь что, Мендл? Послушай меня, жену, – плюнь ты на Одессу и приезжай лучше домой, в Касриловку. Полторы тысячи у тебя есть, квартиру дает нам отец, лавки в аренду сдаются, – чего тебе еще не хватает? Зачем нужно, чтобы люди перемывали мои косточки, чтобы враги болтали, будто ты удрал в Одессу, а меня бросил, – не дожить тебе до этого! Скапутиться за нашу Касриловку может твоя Одесса со всеми твоими домищами с железными лестницами, по которым надо карабкаться, как одурелому! Очень стоит ради этого портить себе желудок! Подумаешь, виноград дешев! Виноград надо жрать, а сливы

чем плохи? У нас нынче урожай на сливы, пятиалтынный – ведро! Но разве тебя интересует, что дома делается? Ты даже не спрашиваешь, как дети поживают. Забыл уже, что ты отец троих деточек, дай им бог здоровья! Недаром мама говорит: «Дальше очи – дальше сердце…» Такую бы тебе болячку, какую правду она говорит!

Пока будь здоров и счастлив, как желает тебе

твоя истинно преданная супруга Шейне-Шейндл.

V

Менахем-Мендл из Одессы – своей жене Шейне-Шейндл в Касриловку

Моей дорогой, благочестивой и благоразумной супруге Шейне-Шейндл, да здравствует она!

Во-первых, уведомляю тебя, что я, благодарение богу, пребываю в полном здравии и благополучии. Дай бог и в дальнейшем получать друг о друге только радостные и утешительные вести. Аминь!

А во-вторых, да будет тебе известно, что сейчас пошел невероятный «бес», и я накупил себе «Лондона» целую кучу и обеспечил себя семнадцатью «бесами» и восьмью «стеллажами». Затем я должен получить несколько сот рублей «диференцов», и тогда я, с божьей помощью, сделаю еще немножко «бесов». Посмотрела бы ты, дорогая моя, как тут заключаются сделки на слово, ты поняла бы, что такое Одесса. Простой кивок здесь все равно что контракт. Я выхожу на Греческую, захожу в кафе, сажусь за столик и заказываю стакан чаю, или кофе, или еще там чего-нибудь. Подходит ко мне один маклер, второй, третий… Не надо ни контрактов, ни расписок, ни строчки написанной! У каждого маклера книжечка и карандашик. Он достает книжечку и записывает, что я имею у него два «беса», а я достаю несколько рублей и плачу ему – удовольствие! А спустя час-другой, если бог захочет, узнают «таксировку» из Берлина, и прибегает тот же маклер и дает тебе четвертной билет – чистой прибыли, а потом, когда прибывают еще сведения, он сует тебе полсотни, а к концу дня, если богу угодно, набегает и вся сотня, а иной раз может случиться, что и две, а то и все три… Почему бы и нет? На то и биржа! Биржа – это игра, дело удачи. А насчет того что ты не веришь в векселя дяди Менаше, то могу тебе сообщить, что я их уже продал, – иначе откуда бы я взял деньги на такое количество «бесов» и «стеллажей»? «Стеллажи» – это не дилижансы, как ты пишешь. Дилижансы – это то, на чем ездят из Радомысля в Житомир, а «стеллаж» – это лист бумаги, на котором кто-нибудь пишет и расписывается в том, что когда настанет «ультимо», то есть в конце месяца, он обязан столько-то фунтов сверх того или иного курса – либо дать тебе, либо получить с тебя. Так что выбор за тобой, поступай как знаешь: хочешь давай, хочешь получай. Теперь ты понимаешь, что такое «стеллаж»? Если бог даст добрые «варьяции» на «Лондон» и в газетах заговорят о войне, русский рубль полетит вниз, а «Лондон» как двинется вверх, – ничего кругом узнать нельзя! Вот заговорили на прошлой неделе, будто английской королеве что-то не можется, и тут же русский рубль упал, а «стеллажи» подскочили выше домов! Теперь в газетах пишут, что королева поправилась, – и русский рубль поднялся в цене, и уже можно покупать «стеллажи», сколько душе угодно. Словом, не беспокойся, дорогая моя, все, бог даст, будет, как у нас в Одессе говорят, «в наилучшем порядке»! Но так как у меня сейчас нет времени, то пишу тебе кратко. Даст бог, в следующем письме я напишу тебе обо всем подробно. Пока дай бог здоровья и удачи. Кланяйся сердечно деткам и всем остальным.

Твой супруг Менахем-Мендл.

Главное забыл! У нас в Одессе страшная жара, – изжариться можно, да и по ночам таешь как воск. Поэтому как только наступает вечер, город пустеет. Народ разъезжается на Фонтаны – на Большой Фонтан или на Малый Фонтан, а то и вовсе на «Ланджерон». Там имеется все, что душе угодно, можно купаться в море, можно слушать музыку – и все это бесплатно, без копейки денег!

Тот же.

VI

Шейне-Шейндл из Касриловки – своему мужу в Одессу

Моему почтенному, дорогому, именитому, мудрому и просвещенному супругу Менахем-Мендлу, да сияет светоч его!

Во-первых, сообщаю тебе, что мы все, слава богу, вполне здоровы. Дай бог и от тебя получать такие же вести в дальнейшем.

А во-вторых, пишу я тебе, что я уже опять вожусь с зубами, дай бог твоим одесским «дронжикам»! Я здесь лезу на стенку от зубной боли, мучаюсь с его детьми, а ему хоть бы что! Живет себе, как господь бог, в Одессе, катается верхом на «дронжиках», купается в море, и музыка ему подыгрывает. Чего ему еще не хватает? Как моя мама говорит: «На метле бы он у меня верхом разъезжал, а не на дронжиках!» Одно из двух: если ты купец и торгуешь этим замечательным товаром, который называется «Лондон», то думай о торговле, а не об английской королеве. Думай лучше о своей жене. У тебя есть жена – до ста двадцати лет, и трое деток, дай им бог здоровья. Моя мама говорит: «Думай о себе, тогда забудешь о других…» А что касается твоих счастливых дел, то скажу тебе правду, у меня от них голова кругом идет! Не верю, хоть режь меня, что сотни так и летят прямо в руки! Что это колдовство такое, наваждение, что ли? Смотри, как бы ты от великой радости не тронул приданое. Имей в виду, если хоть один грош убудет из приданого, достанется тебе от матери!.. Хоть бы вспомнил! Ведь ты хорошо знаешь, что мне до зарезу нужна шелковая мантилья, шерсть на платье, два куска морозовского батиста. Всякую глупость я должна ему напоминать, – сам он, бедняга, ничего не знает, мозги у него высохли. Не зря моя мама говорит: «Кто сам не догадается, того в бок толкают».

Как желает тебе от всего сердца

твоя истинно преданная супруга Шейне-Шейндл.

VII

Менахем-Мендл из Одессы – своей жене Шейне-Шейндл в Касриловку

Моей дорогой, благочестивой и благоразумной супруге Шейне-Шейндл, да здравствует она!

Во-первых, уведомляю тебя, что я, благодарение богу, пребываю в полном здравии и благополучии. Дай бог и в дальнейшем получать друг о друге только радостные и утешительные вести. Аминь!

А во-вторых, да будет тебе известно, что я уже далеко пошел, а именно – у меня уже полно «бесов», и я теперь в состоянии дать и взять сразу десять тысяч фунтов, двадцать тысяч фунтов, разумеется, при наличии «депо»… У меня уже крупные знакомства в конторах, и я уже могу себе позволить сидеть у Фанкони в кафе наравне с другими крупными спекулянтами, за белыми мраморными столиками и заказывать порцию мороженого, потому что у нас в Одессе такой порядок: чуть присел к столику – к тебе подходит человек во фраке и велит, чтобы приказали подать мороженое. Нельзя же быть свиньей, и поневоле велишь подать. Но не успеешь съесть одну порцию мороженого, как тебе велят потребовать вторую, иначе тут сидеть нельзя, и остается шататься по улице. Дельцу это, конечно, не пристало, да и городовой следит, чтобы на улице зря не околачивались… Но так как людям все-таки нужно быть на улице, то они ловчатся, обманывают городового, прячутся от него как можно дальше… А если он все же поймает кого-нибудь, он тащит его, как драгоценность, прямо в участок: «Вот, мол, я доставил вам еврея…» Ты не веришь в крупные «варьяции» и «диференции»? Это значит, что ты слаба в политике. Вот, к примеру, сидит у нас в кафе у Фанкони человек, которого прозвали «Гамбетта».[6] День и ночь он говорит о политике и только о политике! Он приводит тысячу доказательств, что пахнет войной. Он слышит, говорит, каждую ночь пушечные выстрелы – не здесь, а у французов. Французы, говорит он, никогда в жизни не простят Бисмарку.[7] Должна, непременно должна в скором времени вспыхнуть война, иначе и быть не может! Послушать Гамбетту, то нужно продать все, что имеешь, снять с себя последнюю рубаху и покупать «стеллажи» и «бесы» – бесконечное количество!

Ты пишешь мне насчет мантильи. Дорогая моя, я присмотрел для тебя кое-что получше: золотые часики с медальоном и золотой цепочкой, и брошь, и браслеты видел я в окне совсем недалеко от Фанкони… Замечательные вещи! Прима! Но так как я сейчас очень занят, то пишу тебе вкратце. Дай бог, в следующем письме я напишу тебе обо всем подробно. Пока дай бог здоровья и удачи.

Твой супруг Менахем-Мендл.

Главное забыл! Сутолока здесь, не сглазить бы, очень велика, и люди так поглощены делами, что забывают о субботе и о празднике. Для меня, конечно, суббота – это суббота! Хоть бы камни с неба валились, я в субботу непременно иду в синагогу. Одесскую синагогу стоит посмотреть! Во-первых, она называется «хоральной», потому что потолок у нее колпаком, а особой восточной стены там нет.[8] Все сидят лицом к востоку. А кантор (его зовут Пине; ну и кантор!) хоть и бреет бороду, но молитвы знает получше вашего старого верзилы Мойше-Довида! Ты бы видела, что он вытворяет, когда доходит до молитвы «Да будет благословенно имя владыки вселенной!». «Хвалебную песнь субботе» можно по билетам слушать! Вокруг кантора стоят певчие в маленьких талесах – красота! Если бы суббота бывала дважды в неделю, я бы дважды в неделю ходил слушать Пине. Не понимаю я здешних евреев, почему они не ходят молиться? И даже те, что ходят, не молятся. Сидят, как намалеванные, в цилиндрах, с жирными холеными рожами, в маленьких талесах и молчат. А если кому-нибудь захочется помолиться чуть погромче, к нему подходит служка с пуговицами и говорит, чтоб тихо было. Странные в Одессе евреи!

Тот же.

---

[6] …прозвали «Гамбетта». – Гамбетта Леон Мишель (1838–1882) – известный французский буржуазный политический деятель.

[7] Бисмарк (1815–1898) – князь, представитель немецкого юнкерства, известный государственный деятель второй половины XIX века. С 1861 года – председатель кабинета министров и министр иностранных дел Пруссии, а с 1871 года, после разгрома Франции и объединения Германии – канцлер Германской империи.

[8] …восточной стены там нет. – В обычных (не «хоральных») синагогах места для сидения вдоль восточной стены считаются самыми почетными, при этом люди сидят спиной к стене.

VIII

Шейне-Шейндл из Касриловки – своему мужу в Одессу

Моему почтенному, дорогому, именитому, мудрому и просвещенному супругу Менахем-Мендлу, да сияет светоч его!

Во-первых, сообщаю тебе, что мы все, слава богу, вполне здоровы. Дай бог и от тебя получать такие же вести в дальнейшем.

А во-вторых, пишу я тебе, дорогой мой муж, что я не понимаю, с какой такой радости надо сидеть у Франкони, – сгореть бы ей! – за мраморным столиком и жрать с утра до ночи черт знает что! Лишь бы деньги тратить? И что это у вас там, в Одессе, за сумасшедший, которому снится, что стреляют, чтоб его самого застрелило! Войны ему захотелось! Как моя мама говорит: «Чужая кровь что вода!» Золотые часики с браслетами ты увидал в одесских магазинах? Нашел, чему радоваться! Что мне, Мендл, от твоих подарков, которые ты видишь за стеклом? Моя мама говорит: «Вареники во сне – это не вареники, а только сон…» Ты лучше зайди в магазин и купи мне кусок полотна на белье, и мадаполаму на наволочки, и пару байковых одеял, и немного серебра для дома, и еще кое-чего. Представь себе, даже Блюма-Злата, – чтоб ее пузырем раздуло! – и та уже куражится передо мной. Почему? Она, видишь ли, носит нитку жемчуга, чтоб ее задушило! Вот кому доля замужем! Людям везет во всем. Одна я родилась в такой злополучный час, что должна каждую мелочь мужу напоминать! Пусть тебе кажется, что ты купил еще один «гос» или «бес», или черт его знает, как это там у вас называется! Я говорю ему: продай, что имеешь, и сосчитай деньги, а он покупает еще! Чего ты боишься? Не достанешь потом этого товара? Я уже понимаю, что это за торговля и что за город твоя Одесса, когда суббота – не суббота, и праздник – не праздник, и кантор ходит с бритой мордой,[9] – мои бы болячки на его голову! Мне кажется, из такого города и от таких людей бежать надо, как от поганой ямы, а он там завяз и вылезать не хочет. Как моя мама говорит: «Забрался червяк в хрен и думает, что слаще ничего и нету…» Поэтому и пишу тебе, дорогой мой муж, подумай хорошенько, что ты делаешь, и перестань проводить время в замечательной твоей Одессе, – пусть она сгорит, – как желает тебе

твоя истинно преданная супруга Шейне-Шейндл.

Да! Скажи мне, Мендл, вот эта «Франконя», о которой ты пишешь, что вы там просиживаете дни и ночи, – кто это такая, это «он» или «она»?..

IX

Менахем-Мендл из Одессы – своей жене Шейне-Шейндл в Касриловку

Моей дорогой, благочестивой и благоразумной супруге Шейне-Шейндл, да здравствует она!

---

[9] …кантор ходит с бритой мордой… – Это свидетельствует о его недостаточной набожности, так как закон еврейской религии запрещает брить бороду.

Во-первых, уведомляю тебя, что я, благодарение богу, пребываю в полном здравии и благополучии. Дай бог и в дальнейшем иметь друг о друге только радостные и утешительные вести. Аминь!

А во-вторых, да будет тебе известно, что пахнет уже крупными тысячами! Если бог даст и «ультимо» пройдет благополучно, то в моих руках главный выигрыш! Заинкассирую все свои «диференцы», съезжу домой и возьму тебя, с божьей помощью, сюда, в Одессу. Квартиру снимем на «Ришелье», купим хорошую мебель и заживем так, как живут у нас в Одессе. Но пока я, не про тебя будь сказано, вожусь с желудком: видно, мороженое мне повредило… Теперь, когда прихожу к Фанкони, я мороженого не ем. Я велю подать себе напиток, который тянут через соломинку. Это и сладко и горьковато, вроде лакричного порошка с солью… Больше двух, в крайнем случае – трех стаканов этого напитка одолеть невозможно. А все остальное время приходится таскаться по улице и иметь дело с городовым. А это очень неприятно! Уж он давно ко мне присматривается, но до сих пор господь бог миловал: я каждый раз удираю от него и прячусь. Чего не делают ради заработка! Только бы реализация прошла благополучно, – тогда я, с божьей помощью, куплю тебе все, что пожелаешь, и гораздо больше, чем ты можешь себе представить. А насчет Гамбетты ты ошибаешься: вовсе он не сумасшедший, он только малость вспыльчив. Упаси бог сказать ему что-нибудь о политике не так, как ему нравится! Он готов разорвать человека на куски! Он утверждает, что не сегодня-завтра обязательно должно что-то случиться. А то, что сейчас вдруг тихо стало, – говорит он, – лишний раз доказывает, что война на носу. «Перед бурей, – говорит он, – всегда бывает тихо…» Вчера я мог продать несколько «бесиков» и два-три «стеллажа» и прилично заработать, но Гамбетта не дал мне этого сделать. «Я, говорит, вам голову оторву, если вы в такое время выпустите из рук товар! Наступает такая пора, – говорит он, – когда полусотенный „стеллаж“ будет стоить двести рублей, и триста, и четыреста, и даже тысячу, а почему и не две?..» Будь так, как говорит Гамбетта, даже наполовину, – и я разбогател! Надеюсь, что после реализации я поверну обратно на «гос», начну покупать рубли и давать «Лондон», на чем свет стоит! Я покажу им, что такое «Лондон» и что такое – рубль! Но так как у меня сейчас нет времени, то пишу тебе кратко. Даст бог, в следующем письме я напишу тебе обо всем подробно. Пока дай бог здоровья и удачи.

Твой супруг Менахем-Мендл.

Главное забыл! Ты спрашиваешь о Фанкони (не «Франконя» как ты пишешь), то это не «он» и не «она». Это – кафе, где пьют кофе, едят мороженое и заключают сделки на «Лондон». Дай бог мне хотя бы половину стоимости сделок, которые там заключают за день!

Тот же.

X

Шейне-Шейндл из Касриловки – своему мужу а Одессу

Моему почтенному, дорогому, именитому, мудрому и просвещенному супругу Менахем-Мендлу, да сияет светоч его!

Во-первых, сообщаю тебе, что мы все, слава богу, вполне здоровы. Дай бог и от тебя получать такие же вести в дальнейшем.

А во-вторых, пишу я тебе, что дети болеют корью, все трое, я ночей не сплю, а он там распивает какую-то бурду с лакрицей! Чего ему не хватает, скажите на милость! Головной боли? Ишь ты, как он распрыгался! В Одессу он хочет меня забрать! Думает, – только ска-

жет мне: «Одесса», – я туда и полетела! Выбей эту дурь из головы, Мендл, ты меня туда не заманишь! Будь спокоен. Бабка моей бабки никогда там не бывала и обошлись без Одессы, так уж и я как-нибудь обойдусь. Так я тебя и послушалась: брошу отца с матерью и всех родных и помчусь в треклятую Одессу, чтоб она в огне сгорела! Говори что хочешь, Мендл, не нравится мне твоя Одесса. Терпеть ее не могу, сама не знаю, за что. По моему разумению, тебе следует распродать помаленьку твой товар и получить деньги. Мама говорит: «Из всех молочных блюд самое лучшее – это кусок мяса!..» А если ты немного и потеряешь, – черт с ним, их счастье! Что же касается твоего сумасшедшего Гамбетты (а я все-таки говорю тебе, что он сумасшедший!), который не дает тебе продавать, то я вообще не понимаю, при чем тут он? Какое ему дело? Плюнь ты ему в рожу, если он опять станет морочить тебе голову своими войнами! Послушай меня, Мендл, кончай с этим делом, продай все, ради бога! Заработал несколько целковых? И хватит. Сколько можно торчать в этой Одессе?

Но что говорить? Разве я что-нибудь значу? Ведь я же всего лишь Шейне-Шейндл, я ведь не Блюма-Злата! Блюма-Злата только пикнет на своего мужа, а его уже лихоманка трясет! Ради бога, Мендл-сердце, распродай все и собирайся в дорогу! Не забудь только дюжину вышитых сорочек для меня, бархату маме на пальто – пусть и она помнит, что зять ее был в Одессе и торговал с сумасшедшими, – кусок ситца модного рисунка и, если войдет в чемодан, немного стеклянной посуды, а остальное – по твоему усмотрению. И приезжай домой, пусть люди перестанут мне колоть глаза и чернить меня. Попробуй только меня не послушать! Ничего! По-моему сделаешь! Если бы так чирьи на спине у врагов моих, как желает тебе от всего сердца

твоя истинно преданная супруга Шейне-Шейндл.

XI

Менахем-Мендл из Одессы – своей жене Шейне-Шейндл в Касриловку

Моей дорогой, благочестивой и благоразумной супруге Шейне-Шейндл, да здравствует она!

Во-первых, уведомляю тебя, что я, благодарение богу, пребываю в полном здравии и благополучии. Дай бог и в дальнейшем иметь друг о друге только радостные и утешительные вести. Аминь!

А во-вторых, да будет тебе известно, что день реализации настал, и все пошло кувырком, господи спаси и помилуй! Большая «варьяция», которой я ждал, как мессии, обернулась мыльным пузырем. Бисмарк, говорят, простудился, схватил насморк – и в политике пошла такая суматоха, что никто ничего не понимает! «Лондон» стал действительно на вес золота, но рубль провалился в тартарары, и пошел страшный «бес»! Ты, пожалуй, спросишь, где же мои «бесы» с моими «стеллажами»? Но дело в том, что теперь уже «бесы» не «бесы» и «стеллажи» не «стеллажи», никто не хочет брать, никто не желает давать, вот и поступай как знаешь! И словно назло, я рассовал свой товар таким людишкам, которых – чуть прижало, а их уже и раздавило. Словом, горе, чума, все вверх дном! Ах, если бы я изловчился на один день раньше! Но поди будь пророком! Теперь все бегают, как травленые мыши, безумие охватило каждого! Все кричат: «Лондон!», «Где мой Лондон?», «Давайте мне Лондон!», «Но где там Лондон?», «Что там Лондон?» Летят оплеухи, мелькают кукиши, родителей поминают, и я тоже, как и все… В общем, нигде, как видно, никакого «Лондона» нет!.. Короче, дорогая моя жена, кругом мрак… Все мои заработки, все придание, драгоценности, которые я для тебя купил, – все это пошло туда. Даже субботний кафтан пришлось снять и заложить.

Я сейчас в очень печальном положении, даже представить себе трудно, и так скучаю по дому, что вся душа истомилась! Проклинаю себя сто раз на дню! Лучше бы я ногу себе сломал до того, как приехал сюда, в Одессу, где человек ничего не стоит. Здесь можно умереть на улице, и никто даже не оглянется. Сколько маклеров кормилось возле меня, сколько их благодаря мне нажилось, а сейчас они меня даже не узнают! Раньше они меня здесь называли «касриловским Блейхредером»,[10] а теперь сами же маклеры надо мной издеваются. Они говорят, что я не понимаю дела. «Лондон», говорят они, понимать надо! А где ж они раньше были, эти умники? Обо мне вообще больше не говорят, как если бы я умер! Лучше бы я и в самом деле умер, чем дожить до такого! И как назло, здесь этот Гамбетта, пропади он пропадом, виснет над головой и не перестает трещать на ухо о своей политике: «Ну, не говорил ли я вам, что будет „бес“?» – «Что мне толку от вашего „беса“, – спрашиваю я, – когда мне „Лондона“ не дают?» А он смеется и говорит: «Кто же вам виноват. Биржу, говорит, понимать надо! А кто не умеет торговать „Лондоном“, пусть торгует солеными огурцами…» Говорю тебе, жена моя дорогая, – так опротивела мне Одесса с ее биржей, с Фанкони, со всеми этими людишками! Бежал бы куда глаза глядят! Но так как у меня сейчас нет времени, то пишу тебе кратко. Даст бог в следующем письме напишу обо всем подробно. Пока дай бог здоровья и удачи. И кланяйся сердечно деткам, и тестю, и теще.

Твой супруг Менахем-Мендл.

Главное забыл! Здесь, в Одессе, такой порядок: если кому-нибудь нужно одолжить немного денег, он обращается не к соседу, не к родственнику или к знакомому, как, скажем, у нас в Касриловке. Не потому, что лень к ним сходить, нет, – просто каждый знает наперед, что никто с деньгами не сунется: не дают, и дело с концом! Как же быть, если деньги все-таки нужны? Для этого существует «ломбард», который выдает какую угодно ссуду, был бы залог приличный: золото так золото; серебро так серебро! Медь? И медь сойдет, и одежина, и стул. Приведи корову, – тебе и под нее деньги дадут. Беда только в том, что оценивают в ломбарде все чересчур дешево! Зато проценты дерут без стеснения, кусачие проценты, так что процент подчас всю ссуду съедает. Вот ломбард и производит каждые две недели «леситацию», то есть распродажу невыкупленных закладов. Люди покупают вещи по дешевке и неплохо зарабатывают. Будь я при деньгах, я бы тоже этим занялся и вернул себе то, что потерял, да еще с лихвой… Но что поделаешь!

Без денег лучше не родиться на свет божий, а уж если родился, то лучше умереть… Не могу я больше писать. Пиши мне о твоем здоровье, как поживают детки, и кланяйся сердечно тестю, и теще, и каждому в отдельности.

Тот же.

XII

Шейне-Шейндл из Касриловки – своему мужу в Одессу

Моему почтенному, дорогому, именитому, мудрому и просвещенному супругу Менахем-Мендлу, да сияет светоч его!

Во-первых, сообщаю тебе, что мы все, слава богу, вполне здоровы. Дай бог и от тебя получать такие же вести в дальнейшем.

---

[10] Блейхредер – миллиардер, один из крупнейших банкиров в Германии того времени. Организовал Бисмарку заем для войны с Францией.

А во-вторых, пишу я тебе: дурья голова, подумай, что ты натворил! Какой черт понес тебя в Одессу? Чего ты там не видал? Жареных рябчиков ему захотелось! «Лондон»! Мороженого! Бурды с лакрицей! Увидал, что «Лондон» банкротится, чего же ты вовремя не покончил с ним, согласился бы на какой-нибудь процент, как все купцы поступают! А люди где? А раввин? Господи боже мой, что это за отговорка – «ультимо-шмультимо»? Ведь ты покупал товар, – куда же он девался?! Боже мой, какое несчастье! Чуяло мое сердце, что от Одессы – сгореть бы ей! – добра не будет! Я пишу ему: уезжай Мендл, плюнь на них с их «Лондоном», чтоб его холера забрала, господи милосердый! Удирай, говорю я ему, – удирай, Мендл! Как мать говорит: «Дырявая крыша, трещала б потише!» Нет, не слушает, – ведь я же всего только Шейне-Шейндл, горе мне, а не какая-нибудь Блюма-Злата. Нет, моя мама умница! Она все время твердит, что мужу потакать нельзя, мужа надо держать в руках, чтобы он чувствовал, что есть у него жена! Но что поделаешь, когда у меня такой характер, не могу я быть грубой, как Блюма-Злата, не умею я мужа в гроб вгонять, как она, не умею! Была бы твоей женой Блюма-Злата, – не дожить ей до того! – тогда бы ты знал, как велик наш бог! А насчет того, что ты говоришь о смерти, умник мой, то должна тебе сказать, что ты большой дурак: не по своей воле человек родится, не по своей воле и умирает. А если даже потеряно приданое, так ничего больше не остается, как руки на себя наложить? Глупый! Где это сказано, что Менахем-Мендл должен иметь деньги? Разве с деньгами Менахем-Мендл не тот же Менахем-Мендл, что и без денег? Чудак! Против бога хочешь идти? Ты же видишь, что он не велит, чего же ты ерепенишься? Черт с ними, с деньгами! Пусть тебе кажется, что разбойники напали на тебя в лесу, или ты заболел и все приданое просадил ко всем чертям! Главное, не будь бабой, Мендл! Положись на предвечного, он – всех кормящий и насыщающий. Приезжай домой, – гостем будешь, дети тебя заждались… Посылаю тебе несколько рублей на дорогу и смотри, Мендл, не ходи ни на какие «лестации» и не торгуй старым тряпьем! Этого еще не хватало! Как только получишь мое письмо и деньги, немедленно распрощайся с Одессой. А как только ты выедешь из города, пусть он загорится со всех четырех сторон, пусть он горит и пылает, и сгорит дотла, как желает тебе от всего сердца

твоя истинно преданная супруга Шейне-Шейндл.

Конец первой книги

1892

«Бумажки»[11] (Егупецкая биржа)

I

Менахем-Мендл из Егупца – своей жене Шейне-Шейндл в Касриловку

Моей дорогой, благочестивой и благоразумной супруге Шейне-Шейндл, да здравствует она!

Во-первых, уведомляю тебя, что я, благодарение богу, пребываю в полном здравии и благополучии. Дай бог и в дальнейшем получать друг о друге только радостные и утешительные вести. Аминь!

А во-вторых, да будет тебе известно, что я уже не в Одессе. Я в Егупце (тоже красивый город, мне бы такую жизнь!) и не торгую больше ветром и воздухом, «Лондоном»… У меня сейчас, слава богу, дело более верное, солидное. Бумажное дело, то есть я торгую «бумажками». Ты, конечно, спросишь, как я попал в Егупец? Должен тебе, дорогая моя жена, рассказать целую историю и просить не обижаться за то, что я так долго не писал. Просто не о чем было писать. К тому же я рассчитывал, что вот-вот еду домой, и бог свидетель, как тянуло меня домой, но, видно, предначертано свыше, чтобы я очутился в Егупце и торговал «бумажками». Клянусь тебе, дорогая моя, своей жизнью, что я уже в вагоне сидел, ехал в Касриловку. Так вот, надо же было мне встретиться с одним одесским спекулянтом, который едет в Егупец. Чем он занимается в Егупце? спрашиваю. Он, говорит, торгует «бумажками». Что значит «бумажками»? «Бумажки», – объяснил он, – это не «Лондон», который зависит от Берлина, от Бисмарка и от английской королевы.

«Бумажки» – это такое дело, которое зависит только от Петербурга и от Варшавы. И еще одно достоинство: это вещь, которую можно видеть, нащупать руками, не то что «Лондон», который не больше, чем фантазия, сон… Затем он стал мне расхваливать город Егупец и тамошних спекулянтов: это совсем другие люди, – говорит он, – деликатные люди! Он, говорит, не даст десять битых одесситов за одного егупецкого биржевика! Словом, человек этот так меня разохотил, что я решил: ведь я же все равно еду мимо Фастова, – дайка заодно съезжу в Егупец – посмотреть здешнюю биржу и здешних дельцов. И попал я как раз в такое время, когда на бумаги идет ужасный «бес», а «премии» продают за полцены. Много денег вкладывать не нужно, вот я и решил – сыграю разок, авось, бог милостив, заработаю, и будет у меня на расходы. И бог смилостивился, «бумажки» поднялись, я продал свои «премии» с прибылью, купил еще парочку «премий» и снова заработал, сколотил добрых несколько сотен и – как раз наличными. Тогда я подумал: зачем мне платить кому-то «премии», – лучше я сам себе «ангажирую»[12] наличные «бумажки»! Обратился через контору в Петербург и составил себе «портфель» из самых различных «бумажек»: «Путивль»,[13] и «Транспорт», и «Волга», и «Мальцевские», и тому подобные акции, которые растут в цене, и я, слава богу, тоже расту! Но так как у меня сейчас нет времени, то пишу тебе кратко.

---

[11] Вторая серия писем Менахем-Мендла «Бумажки» написана Шолом-Алейхемом в 1895 году и напечатана в сборнике «Дер Хойзфрайнд» («Друг дома»), историко-литературная книга, том пятый, Варшава, 1896.

[12] «Ангажирую» – в данном случае – «заказываю».

[13] «Путивль» – предполагается вероятно «Путилов», то есть акции Путиловского завода.

Бог даст, в следующем письме напишу обо всем подробно. Пока дай бог здоровья и удачи. Кланяюсь сердечно деткам, а также тестю и теще.

Твой супруг Менахем-Мендл.

Главное забыл! Когда будешь писать, пиши мне на мое имя в Бойберик,[14] потому что в Егупце мне жить нельзя.[15] Поэтому я целыми днями верчусь на Крещатике возле биржи, а вечером еду в Бойберик. Там живет вся компания биржевиков. Живут на дачах, ночи напролет играют в карты (мужчины и женщины вместе, – такой здесь порядок…). А рано утром все спешат в Егупец, а вместе со всеми и я.

Тот же.

II

Шейне-Шейндл из Касриловки – своему мужу в Егупец

Моему почтенному, дорогому, именитому, мудрому и просвещенному супругу Менахем-Мендлу, да сияет светоч его!

Во-первых, сообщаю тебе, что мы все, слава богу, вполне здоровы. Дай бог и от тебя получать такие же вести в дальнейшем!

А во-вторых, пишу я тебе, дорогой мой муж, чтоб враги мои были так в силах жить, как я в силах писать тебе письма. Я еле ноги волочу, мне еще, чего доброго, потребуется «реперация», – так говорит наш новый доктор – горе ему и все казни египетские![16] Он надеется из меня деньги выкачивать! А от чего, думаешь, все это у меня? Только от досады, от сердечной боли. Помилуй, – я посылаю тебе на расходы и наказываю, чтобы ты приехал домой, а ты уезжаешь в Егупец, – разве не заслужил ты, чтоб тебя живым в землю зарыли! А позор какой! Людей стыдно! Как мать говорит: «Сморкай нос да размазывай по роже…» Торговля! Дела! А я-то думала: уж если твой замечательный «Лондон» окачурился наконец, то я хоть в себя приду, вернется домой кормилец мой богоданный! Что же оказывается? Новое несчастье – Егупец проклятый! «Бумажки»! Новая напасть! Где это видано, чтобы люди торговали черт знает чем, клочками бумаги! Читаю я твое письмо, дорогой мой, и думаю: отец-вседержитель! То ли ты, упаси бог, сошел с ума, то ли я спятила? Говоришь ты со мной на каком-то тарабарском языке: «бумажки», «Петербург»… «Крещатик»… «Портфель»… Наваждение, честное слово, нечистая сила тебя одолела! Днем он в Егупце, ночью – в Бойберике с мужчинами и женщинами вместе… Что ты делаешь по ночам в Бойберике? Что ты себе думаешь? Одно из двух: хочешь от меня избавиться, приезжай и разведись со мной. А не хочешь – убирайся уж лучше ко всем чертям в Америку, как Иосл Лейбл-Арона, и пусть уж я лучше не знаю, где твои косточки подевались, если мне суждено оставаться навеки брошенной женой с малыми детишками-цыплятами! Но не дождутся этого враги мои! Везет тебе как утопленнику, что я не могу сейчас ехать, что я наказана богом и вынуждена лежать в постели… Правильно моя мать говорит: «Без пальцев и кукиша не покажешь…» Не то бы я сразу же, как получила твое письмо, съездила в Егупец и доставила бы тебя домой! Я бы показала тебе, что жена – это жена! А что я тебя иной раз словом задену, – так ведь это

[14] Бойберик – подразумевается Боярка – дачное местечко возле Киева.

[15] …в Егупце мне жить нельзя. – При царизме в Киеве евреям было запрещено жить.

[16] Казни египетские – десять казней, которыми, согласно библейской легенде, бог наказал египетского фараона за то, что он не хотел освободить израильтян.

с досады, да и отходчивая я. Как мать говорит: «Спичка вспыхнет, да тут же и погаснет…» Как желает тебе

твоя истинно преданная супруга Шейне-Шейндл.

III

Менахем-Мендл из Егупца – своей жене Шейне-Шейндл в Касриловку

Моей дорогой, благочестивой и благоразумной супруге Шейне-Шейндл, да здравствует она!

Во-первых, уведомляю тебя, что я, благодарение богу, пребываю в полном здравии и благополучии. Дай бог и в дальнейшем иметь друг о друге только радостные и утешительные вести. Аминь!

А во-вторых, да будет тебе известно, что иметь дело с «бумажками» не значит, как ты думаешь, – просто торговать бумагой. Это только так называется, на самом деле речь идет об акциях, петербургских акциях, например таких, как «Путивль», «Транспорт», «Волга», «Мальцевские» и тому подобных. Это такие фабрики, где на акции строят железные дороги, то есть выпускают акции по сто рублей, а платят за них триста, потому что выдают «девендент».[17] Чем больше «девендента», тем лучше. Но так как до конца года никто не знает, какой «девендент» будет выдан, то действуют втемную – покупают и покупают. Начинается, таким образом, «гос», то есть бумаги растут в цене, люди зарабатывают деньги, а среди них и я. Ты бы видела, дорогая моя жена, как мелкие людишки, маклеры, нищие вдруг выросли, сделались богачами! Живут на дачах в Бойберике, ездят за границу, на купанья, дамы у них ходят разодетые в бархат и золото, дети разъезжают на «лесепедах», в доме держат «губернанток», говорят по-французски и играют на фортепьянах, едят варенье и пьют вишневку, рубль – не деньги, не житье, а сплошное удовольствие! И все это – на «бумажки». Посмотрела бы ты, что творится на Крещатике, когда наступает день! Полно народу! Да и что удивительного? Из контор выгоняют, на улице стоять не дают. А ведь каждому хочется узнать раньше других, как обстоят дела… Кутерьма! Вот прибыли сегодня из Петербурга «Путивльские» по сто семьдесят восемь, – ну, как же не купить «Путивль»? Или, скажем, «Мальцевские», говорят, пришли по тысяче триста пятьдесят, – неужели не купить «Мальцевские»? Они каждый день растут в цене! На свои «Путивльские» мне предстоит заработать добрых несколько сотен. Но подождут они, положим, пока я их продам! Наоборот, я рассчитываю прикупить еще штук полтораста «Путивльских» и пять «Мальцевских» и немного «Волги». А если бог даст, то куплю еще немного «Транспорта», потому что из Петербурга пишут, чтобы обязательно покупали «Транспорт»! У всех здесь имеется «Транспорт»: у мужчин, у женщин, у врачей, у меламедов, у лакеев и прислуг, у ремесленников, – у кого только нет «Транспорта»? Здесь, когда встречаются, первым долгом спрашивают: «Как сегодня с „Транспортом“?» Зайдешь в ресторан, хозяйка спрашивает: «Почем сегодня „Транспорт“?» Покупаешь коробок спичек, – лавочник спрашивает: «Почем сегодня „Транспорт“?» Словом, Егупец это место, где действительно можно заработать. Все спекулируют, все тянутся вверх, зарабатывают деньги, а среди них и я. Но так как мне сейчас некогда, то пишу тебе кратко. Даст бог, в следующем письме напишу обо всем подробно. А пока дай бог здоровья и удачи. Кланяйся сердечно каждому в отдельности.

---

[17] «Девендент» (дивиденд) – часть прибыли акционерного общества, которая выплачивается держателям акций.

Твой супруг Менахем-Мендл.

Главное забыл! Ты спрашиваешь, что я делаю по ночам в Бойберике? Я же тебе писал, что в Египце евреям жить нельзя, разве что «первогильдейцам».[18] Когда я разгружу свой «портфель» и увижу итог, я уплачу «гильдию» и смогу жить в Египце со всеми наравне. Пока приходится скрываться, а лучшего места, чем Бойберик, не найти. Это – дачная местность. Здесь много дачников. Дачники бегут, и я бегу. Понимаешь?

Тот же.

IV

Шейне-Шейндл из Касриловки – своему мужу в Египец

Моему почтенному, дорогому, именитому, мудрому и просвещенному супругу Менахем-Мендлу, да сияет светоч его!

Во-первых, сообщаю тебе, что мы все, слава богу, вполне здоровы. Дай бог и от тебя получать такие же вести в дальнейшем.

А во-вторых, пишу я тебе, дорогой мой муж, что у нас случилось несчастье, которое окончилось счастьем. Наш Мойше-Гершеле проглотил копейку! Пришла я с базара, – это было в пятницу, купила рыбу, свежую, еще трепетавшую, а ребенок кричит, надрывается! Я его бью, колочу, а он не перестает кричать! «Чего тебе надо? Наказание божье! Тварь противная! На, возьми мои горести! Колики в животе! На тебе копейку!» Еле-еле, с трудом успокоился. Через несколько минут спохватываюсь: «Мойше-Гершеле, где копейка?» – «Нима тапейчи», – отвечает он и ручкой показывает на ротик. Проглотил? Ох, горе мне! Ох, беда! Беру ребенка, заглядываю ему в рот, – ах ты господи! Ах, несчастье мое! «Мойше-Гершеню! Душа моя! Скажи, куда ты девал копейку?» Трясу его, колочу, щипаю, синяков наставила, а он в один голос кричит: «Нима, гам тапейту, гам!» Словом, привела его к доктору, а тот велел кормить его картошкой… Два дня мучили ребенка, насильно пичкали картошкой, ни молока, ни глотка воды не давали, одну только картошку да картошку, думала – конец моему ребенку! И только на третий день стали убирать в доме, смотрю – в кровати, под подушкой, лежит копейка! Так бы они здоровы были, наши доктора, как знают они, что такое болезнь! Вот, не хватало мне! Как мама говорит: «К горестям добавка…» Я должна возиться с его детьми, с докторами, с чертями-дьяволами, а ему, золотодобытчику моему, хоть бы что! Носится из Одессы в Египец, из Египца в Бойберик! Нашел, чему радоваться: «бумажки», «транспорты», «портфели»! Втемяшил себе в башку, что можно одним духом богачом стать! А ведь это – мать говорит: «Похуже всякой хворобы…» Глупый, рассказываешь ты мне чудеса в решете: «акции-шмакции», «девендент-шмевендент»… Выеденного яйца все это не стоит! С одними пятью пальцами богачом не станешь. Моя мама говорит: «Кто лихоманку вложит, тот хворобу и вынет…» Заруби себе, Мендл, на носу: все твои египецкие людишки, которые, как ты пишешь, одним махом разбогатели, в скором времени, бог даст, снова будут теми же нищими, только малость посвежее. Потому что я верю в твои «транспорты» и «мальцевские» так же, как и в одесский «Лондон». Уж я скорее поверю в колдовство и нечистую силу, чем во все твои египецкие «портфели»… Ох, съела бы собака мое сердце, – она бы взбесилась… Я должна видеть, как у людей жены уважением поль-

[18] «Первогильдейцы» – евреи – купцы первой гильдии (разряды, на которые делилось купечество царской России в зависимости от имущественного ценза) имели право жить в Киеве.

зуются, слово иной раз скажут, а то и прикрикнут так, что у мужа поджилки трясутся, – а мне нужно подлаживаться, слово боюсь вымолвить, обругать не смею мужа за позор, который мне приходится принимать от людей… Я должна делать веселую мину. «Щеки себе щипать, – как мама говорит, – чтоб румянец стоял…» Но – что мы и что наша жизнь? Буду я так изнывать и таять потихоньку, покуда не истаю как свеча, буду убиваться от досады, убиваться, и надорваться бы твоим египецким щелкунам, как желает тебе и сейчас и всегда от всего сердца

твоя истинно преданная супруга Шейне-Шейндл.

Погоди-ка! Берл, сынок дяди Менаши, нажил себе новую беду: он на той неделе погорел, вышел в чем мать родила. А теперь ему же хлопот не обобраться: враги донесли, что все у него было застраховано втрое против стоимости, поэтому он, наверное, сам произнес молитву: «Благословен сотворивший огненные светила!»…[19] Пригласили его к следователю. Но Берл тоже не из тех, что десяток на копейку: у него свидетели, которые готовы присягнуть, что его в ту ночь и дома-то не было. Однако пока что его засадили, а Златка с испуга выкинула и родила семимесячного. Поздравляю тебя!

V

Менахем-Мендл из Егупца – своей жене Шейне-Шейндл в Касриловку

Моей дорогой, благочестивой и благоразумной супруге Шейне-Шейндл, да здравствует она!

Во-первых, уведомляю тебя, что я, благодарение богу, пребываю в полном здравии и благополучии. Дай бог и в дальнейшем иметь друг о друге только радостные и утешительные вести. Аминь!

А во-вторых, да будет тебе известно, что я уже связался с Варшавой. Ты, пожалуй, спросишь: коль скоро я живу в Егупце и торгую с Петербургом, – зачем же я полез в Варшаву? Не беспокойся, Варшава – тоже город! В Варшаве тоже имеются «бумажки», да какие еще «бумажки»! На Варшаве биржевики состояния нажили! Варшава – это не Петербург! Варшава – сотнями швыряется. Варшава на той неделе взяла да и подняла «лилипуты» с тысячи двухсот до двух тысяч! Ну, скажи сама, можно ли не купить такую бумагу? Или, скажем, «возочки». Недели три тому назад они стоили тысячу четыреста. А сейчас, как ты думаешь, какая им цена? Две тысячи! И без купона! Ведь это же злодеем надо быть, чтоб не купить такую бумагу! Затем у Варшавы еще одно достоинство: она не требует денег, она знать не хочет никаких «депо». Хочешь иметь «лилипуты», «возочки»? Уплати сотню-другую сверх курса и делай себе «премию» до «ультимо», то есть до начала следующего месяца. Наступит начало месяца, тогда поступай, как знаешь: либо бери бумажки, либо не бери. Но кто даст тебе дождаться начала месяца? На то господь бог и создал маклеров на белом свете, чтоб они проходу не давали: «Нет ли у вас „лилипутов“?», «Нет ли у вас „возочков“?» И морочат голову до тех пор, пока не дадут сколько-нибудь сверх курса и не выманят у тебя твои «бумажки». Вот только вчера насели на меня два одесских маклера, пристали, чтобы я отдал им мои «лилипуты» и «возочки». Нашли кого дурачить! «Братцы! говорю я им. – Нет у меня ничего! Быть бы мне так же чистым от всякого зла!» Словом, отбоярывался я от них до тех пор, пока они все-таки не выманили у меня пять «лилипутов» и пять «возочков». Но я их здорово нагрел! Я тут же сделал кое-какие комбинации, и есть надежда, что я,

[19] «Благословен сотворивший огненные светила!» – В данном случае имеется в виду: сам поджег.

с божьей помощью, на этом деле заработаю, потому что везет мне, не сглазить бы, в последнее время здорово: что ни куплю, на другой день дорожает. Все говорят, что я счастливчик! Дай бог, чтобы «ультимо» прошло в Варшаве благополучно, тогда у меня освободится весь «портфель», и я свяжусь с другой конторой, потому что в той, с которой я сейчас веду дела, столько народу, что не знаешь, на каком ты свете. На той неделе чуть не вспыхнул скандал: уже доходило до пощечин, то есть один из нас уже получил пощечину… Но так как мне сейчас некогда, то пишу тебе вкратце. Даст бог, в следующем письме напишу обо всем подробно. Пока дай бог здоровья и удачи. Кланяйся от меня сердечно каждому в отдельности.

Твой супруг Менахем-Мендл.

Главное забыл! То, что ты пишешь относительно Берла, сына дяди Менаши, мне кажется вполне вероятным: при ваших касриловских заработках купцу иначе никак не обернуться. А вот у нас, в Егупце, такая история случиться не может. Во-первых, здесь всем живется, не сглазить бы, очень хорошо, а во-вторых, если и приключится пожар, то тушат его по-иному: еще до того, как начинает гореть, летит команда в медных киверах, прыгает прямо в огонь и поливает из кишки. Тебе стоило бы посмотреть на пожар в Егупце!

Тот же.

VI

Шейне-Шейндл из Касриловки – своему мужу в Егупец

Моему почтенному, дорогому, именитому, мудрому и просвещенному супругу Менахем-Мендлу, да сияет светоч его!

Во-первых, сообщаю тебе, что мы все, слава богу, вполне здоровы. Дай бог и от тебя получать такие же вести в дальнейшем!

А во-вторых, пишу я тебе, дорогой мой муж, что, по-моему, ты уже, упаси господи, форменный сумасшедший, можешь уже начать бегать по улицам. Мало того, что его знают в Одессе, в Егупце и в Бойберике, – ему нужно, чтоб и Варшава знала, что есть на свете Менахем-Мендл, который занимается торговлей. Раньше он торговал «Лондоном», а сейчас торгует сбитыми подковами, обтрепанными вениками, какими-то «бумажками», «портфелями», «возочками», которые надо искать аж в Варшаве, да еще драться из-за этого. Эх, нашелся бы умный человек и выбил бы дурь из твоей головы, чтоб не думал ты черт знает о чем, в то время как дома у тебя жена – до ста двадцати лет, которая возится с твоими детьми: и днем и ночью – то одно, то другое! Только вчера чуть не ошпарила ребенка кипятком из дуршлага. Хорошо еще, что не всю головку. Недаром мама говорит: «И на беду удача нужна!» А ему – ничего! Гуляет, таскается по пожарам… Обрадовался: Егупец горит; сгореть бы ему вместе с Варшавой и с Петербургом, господи милосердый! Всяк, кто в бога верует, надо мной потешается. Ведь я даже по улице пройти не могу. Все тычут пальцами: «Вон она, Менахем-Мендлова благоверная из Егупца!» Хорошо прозвище, горе мне! Жить бы долго моей маме, она твердит: «Мужа нельзя отпускать ни на минуту, потому что покуда плотник на досках сидит, доски на месте… Я, – говорит она, – наперед знала, что добром это не кончится. Денежного зятя захотелось мне… Как это говорится: „Боров, есть у тебя деньги? Давай породнимся!“ „Золотое дно“… Золото вытекает, а дно остается. Письма я бы ему писала? А лихорадки он не хочет? Кто намеков не понимает, того палкой бьют… Я бы, говорит, его на метле домой привезла! На кочерге!..» Скажи сам, не права ли она? Но что делать, когда

я, прости господи, такая овца… Мне что ни скажут, то и ладно, и чего только от меня не добиваются? Другая на моем месте, например Блюма-Злата, давно бы уже побывала в Египце у всех раввинов, на улице бы поймала и задала бы тебе такую взбучку, что ты забыл бы, как тебя звать и чем торгуешь… О твоих золотых делах и удачах можно судить по подаркам, которые ты присылаешь мне из Египца – по брильянтам и алмазам, по вышитым сорочкам и стеганым одеялам… Шутка ли? Добром говорю тебе, дорогой мой супруг, больше я этого вынести не могу! Одно из двух: либо приезжай как можно скорее домой и будь человеком, как все люди, либо пускай погибель свалится на голову моих врагов, и пусть будет этому конец, как желает тебе и сейчас и всегда

твоя истинно преданная супруга Шейне-Шейндл.

VII

Менахем-Мендл из Египца – своей жене Шейне-Шейндл в Касриловку

Моей дорогой, благочестивой и благоразумной супруге Шейне-Шейндл, да здравствует она!

Во-первых, уведомляю тебя, что я, благодарение богу, пребываю в полном здравии и благополучии. Дай бог и в дальнейшем иметь друг о друге только радостные и утешительные вести. Аминь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.